

ПОЛЬСКИЕ ОБРАЩЕНИЯ- -ЗООНИМЫ И ИХ РУССКИЕ ЭКВИВАЛЕНТЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)

ANNA RUDYK

FORMS OF ADDRESS EXPRESSED BY ANIMAL NAMES IN THE POLISH LANGUAGE IN COMPARISON WITH THE RUSSIAN TRANSLATION

ABSTRACT *The article is devoted to addressative phrases expressed by animal names in Polish compared to the Russian translation. In the collected corpus, addressative forms addressed to women and to men were separated. As the examples taken from contemporary Polish prose and its Russian translation show, the valuations expressed by them can be both positive and negative.*

KEY WORDS *forms of address, Polish language, Russian translation, animal names*

CONTACT *Uniwersytet Rzeszowski, Rzeszów; arudyk@ur.edu.pl*

Обращение – это слово или сочетание слов, называющее лицо или предмет, к которому обращена речь. Оно представляет собой социально важный компонент диалога, так как не только содержит информацию о том, к кому обращают сообщение, но отражает также отношение говорящего к собеседнику. Адресатные формы являются языковыми показателями межличностных отношений, соединяющих членов определенной общественной группы.

Как синтаксическая категория, обращение сигнализирует о том, что «реципиентом речи является прагмасемантический адресат (субъект адресат), находящийся за пределами строя предложения» (Полонский 1999: 116). Интонационная обособленность и грамматическая независимость обращения объясняются тем, что оно, функционируя в рамках диалогического единства, представляет собой перформативное высказывание (Балакай 2018: 203). По Н.И. Формановской, суть обращения можно истолковать следующим образом: «Здесь – сейчас – я – тебя – (Вас) вас (имея мотив и цель включиться в контакт) зову, называя (в избранной социостилистической тональности)» (Формановская 2000: 86).

Функции обращений раскрываются в речевом общении как результирующая сила различных факторов, к которым можно отнести языковые средства, применяемые собеседниками, интенцию говорящего или контекст. Ситуация использования конкретного обращения очень важна, поэтому, анализируя отдельные примеры их употребления, целесообразно рассматривать их в определенной текстовой среде. Раскрывающийся таким образом дополнительный смысл возникает в результате выполнения прагматических функций, обусловленных конкретной коммуникативной ситуацией. Контекстный анализ позволяет четко отличать языковые, т.е. системные значения от единичных значений, свойственных речи. Адресатные формы представляют собой посредственный способ экспликации отношений между коммуникантами (например, дружеских, фамильярных или официальных). Это является причиной употребления различных номинаций при обращении к одному и тому же лицу.

Адресатные формы, наряду с формулами приветствия и прощания, относятся к перформативным высказываниям, основная задача которых заключается не столько в информировании адресата о реальном мире, сколько в установлении непосредственного контакта между собеседниками в процессе речевого общения. Наряду с их дейктической функцией следует принимать во внимание реляционные возможности этих форм, которые сводятся к выражению определенного типа социальной иерархии, связывающей участников взаимодействия.

Основным различием в области категории адресатности между польским и русским языками является наличие в польском языке особого падежа, звательного, и его отсутствие в парадигме русских существительных. Вокативную функцию, как правило, выполняет именительный падеж. Конечно, в польском языке тоже распространен именительный в функции призыва, но ключевым фактом является то, что парадигма русского существительного лишена звательного падежа – падежа, который специализируется на выполнении адресатной функции. В русском языке звательный падеж сохранился в нескольких застывших формах, таких как *Боже*, *Господи*, употребляющихся в молитве или в функции междометий. В современной русской речи наблюдается довольно про-

дуктивная модель так называемого *нового звательного падежа*, заключающаяся в отсечении окончания существительных первого склонения, употребленных в адресатной функции (например, *мам, дядь, Тань, Саши*). Однако, так называемая ново-звательная форма не включена в систему русских падежей.

Обращения посвящены многочисленным работам русских и польских лингвистов. Наряду с монографиями (Гольдин 2009), возникают все новые статьи и очерки (Charciarek 2003, Czariga 2015, Krauz 2016). Однако это не значит, что тема исчерпана, а, наоборот – актуальна и оригинальна. Разные методологические приемы в сочетании с возможностью использования различных источников фактического материала делают проблему привлекательной для исследователей, как в рамках одного языка, так и в сравнительном плане.

Подробная классификация адресатных форм была предложена А.В. Полонским. В монографии, посвященной адресатности, исследователь дает подробную лексико-семантическую классификацию наименований адресата, перечисляя следующие группы:

- / коммуникативно-ролевые наименования адресата, которые делятся на местоимения второго лица (например: *ты, вы, ты, you*) и вокативы (например: *сударь, милочка, милый, kochanie*);
- / семейно-ролевые наименования адресата – термины родства – слова, указывающие на роль человека в семье (например: *мама, дед*);
- / социально-стереотипные наименования адресата, занимающие центральное положение в формировании категории адресатности (например: *господин, граждане, panі, panie*);
- / социально-статусные наименования адресата, называющие его по постоянным социальным характеристикам, таким как пол и возраст (например, *молодой человек, старик, девочка, młodzieńcze*);
- / антропонимические наименования адресата, т.е. имена собственные людей (например, *Лев Романович, Машенька*);
- / социально-ролевые наименования адресата, употребление которых предписывается профессиональной, религиозной, общественной и другими структурами в ситуациях социально-значимого общения (например: *Учитель!, гостенек, pasażerowie*);
- / ситуативно-ролевые наименования адресата, создающиеся в момент коммуникативного контакта;
- / экспрессивно-оценочные наименования адресата, усиливающие прагматическое воздействие говорящего;
- / десемантизированные наименования адресата (например, слово *шеф/szef* употребленное не по отношению к начальнику, только к водителю такси, официанту или бармену).

Все эти группы подробно анализируются Полонским (Полонский 1999: 88–115).

Среди работ польских лингвистов, несомненно, стоит отметить статью К. Писарковой *Jak się tytułujemy i zwracamy do drugich* (Pisarkowa 1979). Автор убежден в том, что адресатные формы являются важным компонентом социального взаимодействия, внимательно рассматривая избранные номинации – названия функций, званий, степеней,

должностей. Своего рода ответом на упомянутую публикацию является статья Я. Миодека (Miodek 1980), опубликованная в следующем номере того же научного журнала. Подчеркивая нормативный и социолингвистический характер анализируемой проблемы, автор делится с читателем размышлениями, вызванными у него текстом Писарковой. Он уделяет особое внимание диверсификации употребления в польском языке формы *Pan/Pani + nazwisko* (фамилия) в зависимости от того, к какой социальной среде принадлежит говорящий. Необходимость дальнейших исследований подчеркивает А. Домбровска (Dąbrowska 1983), проанализировавшая формы обращения к другим в десяти европейских языках (русском, украинском, белорусском, чешском, словацком, македонском, словенском, болгарском, польском, сербскохорватском). Исследовательница предполагает, что в качестве источника фактического материала полезно использовать литературные тексты разных эпох, поскольку это дает возможность подробно рассмотреть обращения, используемые в конкретном времени, среде и ситуации.

Существенное место в ряду работ польских исследователей занимает монография Э. Томичека (Tomiczek 1983), носящая сравнительный характер в силу того, что автор сопоставляет системы адресатных форм польского и немецкого языков. Лингвист подчеркивает, что эти формулы не только доставляют говорящему возможность вербальной деятельности в рамках принятой конвенции, но являются также непосредственным орудием воздействия на собеседника (Tomiczek 1983: 4). Томичек дает в своей работе подробную классификацию адресатных форм, разделяя их, во-первых, на формы синтаксически интегрированные и такие, которые не интегрированы с предложением, выступающие вне его структуры, т.е. совпадающие с тем, что определяется русским термином *обращение*. Во-вторых, автор выделяет номинальные и прономинальные формы адресации. Адресатными формами автор называет все перформативные высказывания, которые при помощи избранных номинальных, местоименных, атрибутивных форм или возможных взаимных комбинаций языковых единиц, относящихся к перечисленным группам, служат говорящему для установления и поддержания контакта с собеседником. Кроме того, они определяют социальную взаимозависимость между участниками диалога согласно действующим культурным нормам, определяющим расстояние между участниками прямой коммуникации (Tomiczek 1983: 45).

Обращения не являются средством выражения какого-либо содержания, а специфическим и наиболее характерным приемом обозначения адресата (Розенталь, Голуб, Теленкова 2002: 368–369). Это языковые показатели межличностных отношений, соединяющих членов определенной общественной группы. Являясь средством универсального характера, адресатные формы несут значительную коммуникативную нагрузку, и в процессе общения выполняют следующие речевые функции:

- / номинативную (наименование адресата в речи);
- / характеризующую (закрывающуюся в демонстрации личного отношения к адресату);
- / этикетную / социально-регулятивную (эта функция позволяет рассматривать общение как процесс, протекающий в соответствии с конвенциональными нормами поведения, которые складываются в данной социальной группе для различных ситуаций) (Голикова 2007: 38).

В роли обращений чаще всего выступают собственные имена людей, названия лиц по родству, по общественному положению или по профессии. Но с семантической точки зрения это могут быть как названия лиц, так и неодушевленных предметов и животных (Czariga 2008). Именно такие адресатные формы, т.е. номинации, совпадающие с названиями животных или представляющие собой дериваты этих названий, являются предметом анализа в настоящей статье. Первичное значение анализируемых лексем сводится к именованию животных, но, находясь в конкретном контексте, они функционируют как обращения к собеседнику. Прагматическое и пропозициональное содержание тесно связаны друг с другом, и их связь основана на определенных семантических признаках, дающих возможность присвоения данного прагматического оператора (Czariga 2014: 151).

Прагматическое значение адресатности можно понимать как отношение говорящего к знакам, используемым в языковой практике, и соответствующее влияние этих знаков на людей. Для того чтобы сравнить прагматическую ценность обращений из исходного текста с адресатными формами из текста перевода, их семантические значения будут сопоставлены с контекстуальными значениями в конкретных ситуациях употребления. Прагматическая рамка выделенных реплик ограничена контекстом, доступ к которому обеспечивается путем извлечения примеров из конкретных литературных текстов – источником примеров являются тексты современной польской бытовой прозы и их русские переводы.¹ По нашему мнению, такой исследовательский корпус охватывает высказывания близкие разговорному языку, так как отобранные диалогические реплики представляют собой фрагменты разговоров героев разного пола и возраста в типичных повседневных ситуациях, представленных сюжетом. Объем текстов, являющихся источниками фактического материала для настоящего исследования, составляет более 4 800 страниц произведений на польском языке, а также тексты русских переводов.

Ниже рассмотрим отобранные примеры обращений, выраженные названиями животных, разделяя их на единицы, направленные к женщинам и к мужчинам. Такое деление показалось нам целесообразным, потому что для каждой из этих двух групп даются выделить отдельные характеристики и закономерности, о которых речь пойдет ниже. Отобранные обращения, образованные от названий животных, представлены в следующей таблице.

1 Заглавия книг, являющихся источниками фактического материала, приводятся в конце статьи (вместе с используемыми сокращениями).

Обращения к женщинам	Обращения к мужчинам
<i>króliczko</i> → заяушка	<i>baranie</i> → осел
(<i>ty</i>) <i>mała żmijo</i> → маленькая змея	<i>bydlaku</i> → скотина
<i>myszki</i> → мышки	<i>kotku</i> → котик
<i>pszczółko</i> → пчелка	<i>misiaczku</i> → котик, плюшастик
<i>ptaszku mój</i> → птичка моя	<i>misiek</i> → мусек
(<i>ty</i>) <i>samolubna, zimna suko</i> → холодная эгоистичная сука	<i>misiu</i> → зайчик мой, косолапик, котя
<i>sarenko</i> → козочка моя	<i>stary koniu</i> → старина
<i>suko</i> → сука	<i>wężu</i> → змея
<i>szczygiełku</i> → ласточка моя, мой зайчонок	<i>wieprzu</i> → свинья
<i>tlusta świnió</i> → жирная свинья	<i>(ty) zmarznięty motylku</i> → ты замерзшая бабочка
<i>wiewiórko</i> → бельчонок	
<i>wiórko</i> → чонок	

Таблица 1: Обращения, образованные от названий животных в собранном материале

Как можно видеть, в то время как адресатные формы, направляемые к мужчинам – это, прежде всего, устойчивые, общепринятые аффективные обращения, группа собранных обращений к женщинам более разнообразна. Здесь включаются наименования, которые или свойственны речи конкретного человека, или обусловлены контекстуально, а чтобы раскрыть их природу, часто требуется дополнительная информация, касающаяся ситуации общения. Стоит отметить, что среди отобранных примеров можно выделить как родовые, так и более общие названия, а также лексемы, указывающие на пол животного. Названия из мира животных, применяемые в качестве адресатных форм, вызывают широкий спектр ассоциаций, как положительных, так и отрицательных. Некоторые из них считаются просто вульгарными, оскорбляющими адресата речи, напр.:

- / Ты *samolubna, zimna suko*.
- / Ты холодная эгоистичная **сука**. (КИМ)

Вышеприведенный пример рассматривается нами в качестве обращения только по формальному признаку, т.е. формы звательного падежа в польском языке, целенаправленной на выражение категории адресатности. Типичная для обращения, воспринимаемого как отдельный речевой акт, иллокуция призыва, кажется, уступает место предикативному значению. Примечательно, что в целевом тексте категория адресатности в таком смысле не реализуется – оскорбляющая номинация выполняет просто роль предиката. Польское наименование лишается типичных черт обращения, его использование имеет целью не призвать, а оскорбить адресата высказывания, и, одновременно, выразить отрицательные эмоции, испытываемые говорящим по отношению к нему. Итак, оно сочетает в себе импрессивную и экспрессивную функции. Такие слова, используемые в качестве обращений, А. В. Полонский относит к рефлексивно-оценочным наименованиям адресата и указывает на их аксиологический характер. Являясь результатом аналитической деятельности гово-

рящего, связанной с адресатом речи, они выражают оценку (положительную или отрицательную), которая ставится на основании его действительных или предполагаемых черт, поэтому в них преобладает предикативный аспект (Полонский 1999: 106). Слово *suka/сука* обозначает, конечно, самку домашней собаки (или других животных из семейства собачьих) (Ефремова 2000), но в употреблении к человеку считается бранным словом, обидным, так как включает следующие семы: презрение, отвращение, сексуальная распушенность, недоброжелательность/язвительность (Czariga 2008: 212). Также имена прилагательные, которые определяют выделенные наименования, относятся к оценочной лексике, и выражают отрицательную характеристику определяемого объекта – сравним их значения:

samolubny – ‚kierujący się w życiu wyłącznie własnymi interesami i wygodą, lekceważący natomiast potrzeby innych‘ (Żmigrodzki 2021);

zimny (o człowieku) – ‚obojętny i niepoddający się emocjom‘ (Żmigrodzki 2021);

zimna suka – ‚kobieta cyniczna, która świadomie i bez skrupułów postępuje bezwzględnie‘ (Żmigrodzki 2021);

эгоистичный – ‚проникнутый эгоизмом, себялюбивый; свойственный эгоисту‘ (Кузнецов 1998);

холодный – перен. ‚крайне сдержанный в проявлении чувств; бесстрастный, равнодушный‘ (Ефремова 2000).

Наряду с оскорбительной номинацией и определяющими ее прилагательными, выражающими отрицательную оценку, в структуре польского обращения удастся выделить еще иной компонент, усиливающий общее негативное значение адресатной формулы. Это личное местоимение *ty*, которое, предшествуя неприятному наименованию, увеличивает силу выражения (Jasik 2005: 262–263). В польском языке конструкции, образованные по схеме *ty + звательный падеж*, являются настолько детерминирующими, что даже аксиологически нейтральные наименования могут стать инвективами (Zimnowoda 2005: 279). Уместно отметить, что вышеупомянутая схема представляет собой довольно продуктивную модель в польском языке. Примечательно, что в тексте русского перевода эквивалент такой номинации не представляет собой обращения, но выполняет предикативную функцию – оскорбительная номинация выполняет роль присвязочного члена в структуре именного сказуемого. В другом примере польское обращение *suko* имеет в русском переводе соответствие, тождественное по функции:

/ *Zabiję cię, suko* – *powiedziała tak, by każdy usłyszał.*

/ *Я убью тебя, сука*, – *сказала она так, чтобы все услышали.* (Ро)

Используемая адресатная форма стилистически схожа с грамматической основой предложения, представляющей собой речевой акт угрозы, рассматриваемый как высказывание, служащее для манифестации или установления социальной асимметрии (Эпштейн 2009: 216). Угроза относится к комиссивам, можно сказать, что является зеркальным отражением речевого акта обещания – общим компонентом обоих речевых актов является принятие на себя определенного рода обстоятельств, различным – отрицательное в угрозе и положительное в обещании влияния этих обстоятельств на адресата. Наличие оскорбительного наименования – экспрессивного обращения с отрицательной окраской – усиливает смысл речевого акта угрозы.

В следующем примере обидная адресатная форма направляется к мужчине:

[...] *Z była żoną, na szczęście, **baranie**.*

[...] *С бывшей женой, к счастью, **осел**.* (JWP)

Отрицательная оценка оскорбительного наименования касается умственной деятельности адресата. Такая номинация направляется к человеку, которого говорящий считает не слишком умным, ярким. Выражая такое мнение, говорящий унижает адресата – польский зооним *baran* и русский *осел* имеют общие семантические признаки глупости и ограничения (Czariga 2008: 204, 209).

Фактический материал охватывает и такие примеры, окраска которых не является однозначной, очевидной. Сравним:

/ ***Tymała żmijo** – odparł niemal serio. – Namotałaś, namotałaś i chodu.*

/ *Ах ты, **маленькая змея**, – воскликнул он в тон мне, но с серьезным лицом. – Заварила кашу и убегаешь.* (TDT)

Зооним *żmija/змея* включает в себя семы обмана, подлости, язвительности (Czariga 2008: 213). Следовательно, выделенная адресатная форма в отвлечении от контекста, безусловно, будет восприниматься как оскорбительная, указывающая на неискренность и недоброжелательные намерения человека, поведение которого вызывает у говорящего отрицательные эмоции, проявляющиеся в его речи. В приведенном фрагменте текста обращение, являясь средством выражения порицания для начинаний молодой женщины, одновременно приобретает шуточный оттенок, о чем свидетельствует информация, заключающаяся в повествовании. Двойственность смысла адресатной формы раскрывается только в контексте высказывания. Поэтому выделенное обращение в отрыве от контекста показалось бы, несомненно, оскорбительным, приписывающим лицемерие и гнусные намерения называемому человеку. Здесь такую формулу шуточно использовал режиссер, обращаясь к актрисе, чтобы разрядить напряжение в трудной ситуации, но все-таки подчеркнуть, что предпринятые ею действия доставили много хлопот всей эстрадной группе.

Большинство обнаруженных обращений; как к женщинам, так и к мужчинам, имеет положительную окраску. Это проявляется, между прочим, в их деминутивной форме:

*Sam nie wiedział, kiedy wyszeptał: – **Króliczko**.*

*Сам не знал, как прошептал: – **Зайчушка**.* (SN)

*Gdzie jesteście, **myszki**? Jedźcie ostrożnie, bo ślisko.*

*Где вы, **мышки**? Будьте осторожны – скользко.* (SN)

Анализ отобранных параллельных текстов показывает, что на месте обращений-зоонимов переводчики употребляют как словарные, так и контекстуально обусловленные соотвещения. Сравним несколько примеров:

/ *Cześć **misiaczku** – mówi Renka.*

/ *Привет, **котик**, – сказала Реня.* (JWP)

/ *[...] To pa, **misiaczku**, pa, całuski, rybnie łuski, do zobaczenia wieczorem...*

/ *[...] Пока, **плюшастик**, пока, лапуля, вечером увидимся...* (ОС)

/ ***Misiu**, myślałeś dzisiaj o seksie?*

- / **Зайчик мой**, ты сегодня думал о сексе? (UDS)
- / **Misiu?** Judyta podała orzeszki w miodzie, ale nie będę jadła [...].
- / **Котя?** Юдита угощает меня орешками в меду, но я есть не стану [...] (SNT).

Обращения *misiu* и *misiaczku*, которые считаются ласковыми, мы решили включить в группу названий животных, потому что эти слова, чаще всего в устной, непринужденной речи, обозначают медведя. Эти номинации, вероятно, имеют народное происхождение, поскольку они отражают типичные особенности деревенской культуры. Замена названия животного эфемистическим термином связана с табу, распространенным в примитивных культурах, относящимся к диким животным. Их названия не произносились вслух, потому что считалось, что эти животные слышат и понимают людей, а также вызывали страх как опасные и хищные существа. Дополнительным стимулом для использования антропонима (формы *misiu* и *misiaczku* польские ученые предлагают считать уменьшительными формами имени *Michał*) в качестве названия животного являются известные в польской деревне истории, что медведь – это человек, заколдованный животным (Kucharzyk 2015: 91).

В тексте русского перевода применяются слова, образованные от названий из животного мира (*зайчик мой*, *котя*, *котик*). Особенно интересным решением переводчика является, по-нашему, обращение *котя*, образованное по схеме уменьшительных форм русских мужских личных имен, ср.: *Борис* → *Боря*; *котик* → *котя*. Лексема *плюшастик*, в свою очередь, закрепилась уже в качестве постоянного эквивалента обращения *misiaczku* в русском языке (Кульпина, Татаринов 2014: 176). Несмотря на то, что перевод не является адекватным, общей чертой всех выделенных номинаций является мягкость, пушистость, приятное прикосновение, тем более что это животные, форму которых часто приобретают популярные мягкие игрушки (Rudyk 2021: 162).

В фактическом материале обнаружили также менее распространенные в речи положительно окрашенные обращения, образованные от названий животных. Эти адресатные формы имеют ситуативный характер, они свойственны отношениям двух конкретных людей, не являются общепринятыми в речи. Сравним примеры:

- / *To nie to, co u ciebie, **pszczółko**, wbijasz żądło w chore nerki – mlaskał, coś smakując.*
- / *Это не то, что твои жала, **пчелка**, – чавкал он, что-то жуя, – вкалываешь иголки в больные почки [...].* (KIM)

Адресатная форма *pszczółko* имеет положительную окраску, ассоциируется с трудолюбивым человеком (пог. *pracowity jak pszczołka* / 'трудолюбивый как пчела'), может стать отличным обращением к очаровательной трудоголичке (Bańko, Zygmunt 2011: 100). Однако в данном случае семантическая мотивировка гораздо интереснее, потому что говорящий обращается к подруге, которая профессионально занимается иглоукальванием, и, следовательно, мы имеем дело с метафорой 'женщина – это пчела' (кусает как пчела своим жалом), а диминутивная форма дополнительно вносит элемент симпатии между собеседниками. Не менее интересной является и следующая номинация:

- / *Zmarzłaś, **sarenko** – mówił.*
- / ***Козочка моя**, да тебе холодно, – ласково говорил он. (ОС)*

Это обращение направляется к стройной, спортивного вида женщине, заботящейся о себе, что оправдывает ассоциацию с грациозным силуэтом животного. По этой причине использование адресатной формы полностью понятно. В тексте перевода используется уменьшительное название другого животного, также принадлежащего к отряду парнокопытных, использование которого для обозначения человека зафиксировано в толковых словарях [сравним: коза, *лерег. разг.* Резвая, бойкая девочка или девушка' (Ефремова 2000); *Разг. шутл.* О резвой, бойкой девочке, девушке (Евгеньева 1999)].

Нижеприведенные формы направляются к женщине с рыжими волосами:

- / **Wiewiórko**, nie nadają się jeszcze.
- / **Бельчонок**, я пока не могу. (KIM)
- / **Wiórko**, dobrze się czujesz?
- / **Чонок**, ты хорошо себя чувствуешь? (KIM)

Несмотря на то, что перевод адекватен, по нашему мнению, обращения в оригинальном тексте более удачны по сходству рода существительного с полом адресата речи. Из книги, являющейся источником примера, мы узнаем, что в данных отношениях это было не случайное использование, а постоянное – муж часто обращался к жене, используя такую форму. Как утверждают психологи, постоянное и последовательное использование псевдонимов собеседниками может удовлетворить психологически мотивированную потребность подчеркнуть связь между ними (Sikora 1994: 198). Во втором из вышеприведенных примеров выделяется более нестандартное обращение: *wiórko/чонок* – эта форма образована путем «отрезания» начальной части лексемы *wiewiórko/бельчонок*. Хотя в случае польского обращения мотивация очевидна, полученная русская форма явно не связана с производящим словом. В толковом словаре мы находим следующее объяснение: *чонок* – словообразовательная единица, выделяющаяся в именах существительных – названиях лиц или животных, характеризующихся детскостью, не взрослостью (*аранчонок, барчонок, курчонок, татарчонок* и т.п.)' (Ефремова 2000). Как видно, использование словарного соответствия или образование нового слова таким же способом не всегда полностью отражает характер исходной номинации.

Проанализированные фразы можно считать неосемантизмами, которыми были присвоены соответствующие аксиологические значения на основе конкретных ассоциаций (Zimnowoda 2003: 113–114). Часто бывает так, что экспрессивность обращения возникает только при определенных обстоятельствах. Кроме того, оценка и эмоциональное состояние, неявно выраженное используемыми адресатными формами, не всегда очевидны. Одни и те же наименования могут выражать разные оттенки эмоций, а иногда и противоположные оценки. Самое приятное на слух слово может отражать пренебрежение, с другой стороны, наименование на вид оскорбительное, в определенной ситуации может оказаться самым желаемым комплиментом. Контекст использования отдельных наименований может изменить их окраску. Прагматическая природа экспрессивности заключается в желании говорящего наиболее эффективно влиять на адресата, в то же время она всегда тесно связана с говорящим, его психическим состоянием. Экспрессивно-оценочные номинации усиливают влияние говорящего на собеседника, являясь кос-

венными способами оскорбления, похвалы, оказания давления. Таким образом, являясь средством выражения, они также выполняют импрессивную функцию.

Экспрессивный характер обращений создается с помощью многих деминутивных форм, например: *kotku*, *pszczółko*, *котик*, *пчелка*, которые чаще всего выражают положительное отношение к адресату речи. Однако, как упоминалось раньше, каждое наименование уместно рассматривать в определенной текстовой среде, так как ситуация использования оказывает немаловажное влияние на конечную окраску обращения.

В следующей таблице представлены обращения, которым свойственна положительная, отрицательная и двусмысленная окраска. Как видно, большинство обнаруженных примеров – это показатели положительного отношения говорящего к адресату высказывания.

Отношение к адресату высказывания	Примеры обращений
(+)	<i>króliczko</i> → зайushка <i>myszki</i> → мышки <i>pszczółko</i> → пчелка <i>ptaszku mój</i> → птичка моя <i>sarenko</i> → козочка моя <i>wiewiórko</i> → бельчонок <i>wiórka</i> → чонок <i>kotku</i> → котик <i>misiaczku</i> → котик, плюшастик <i>misiek</i> → мисек <i>misiu</i> → зайчик мой, косолатик, котя <i>stary koniu</i> → старина <i>(ty) zmarznięty motylku</i> → ты замерзшая бабочка
(-)	<i>(ty) samolubna, zimna suko</i> → холодная эгоистичная сука <i>suko</i> → сука <i>baranie</i> → осел <i>tlusta świnió</i> → жирная свинья <i>bydlaku</i> → скотина <i>wężu</i> → змей <i>wieprzu</i> → свинья
(+/-)	<i>(ty) mała żmijo</i> → маленькая змея <i>szczygiełku</i> → ласточка моя, мой зайчонок

Таблица 2. Обращения с положительной, отрицательной и двусмысленной окраской

По нашему мнению, самым важным для определения окраски обращения является контекст употребления данной номинации. В устной речи ярчайшим показателем является интонация, а также другие паралингвистические и внелингвистические факторы, такие как различные жесты, выражение лица или тон голоса. Например, обращение *stary koniu*, которое мы обнаружили в источнике, однозначно положительное:

/ [...] **Marcin, stary koniu!** Ile to lat? Policzysz za mnie dokładnie? Matematycy mają kłopoty z liczeniem do tyłu. [...]

/ [...] **Марцин, старина!** Сколько же это лет? Подсчитаешь за меня? У математиков сложно-сти с обратным счетом. [...] (LP)

Двое мужчин встречаются после нескольких лет, обращение выражает радость от встречи. Но можно легко представить себе ситуацию, когда женщина обращается к мужу или к сыну-подростку:

Ты **stary koniu**, wracam zmęczona z pracy, a ty cały dzień nic nie robisz, mogłeś chociaż pozmywać naczynia! Jak ci nie wstyd!

Старик, я возвращаюсь с работы усталая, а ты весь день бездельничаешь, ты мог бы посуду помыть! Как тебе не стыдно?!

В таком контексте обращение *ty stary koniu* / *старик* можно считать оскорбительным или ироническим.

Проведенный анализ показывает, что обращениям, выраженным названиями животных, и их дериватам свойственна сильная эмоциональная окраска. Они могут выражать положительное или отрицательное отношение к адресату речи, которое определяется только на основе контекста. Большинство обнаруженных форм соотносятся с названиями млекопитающих, однако, встречаются также единичные названия:

/ насекомых – одно обращение к женщине (*pszczołko/nчелка*) и одно к мужчине ([*ty*] *zmarznięty motylku* / *ты замерзшая бабочка*);

/ птиц – одно обращение к женщине (*szczygiełku* → *ласточка моя, мой зайчонок*);

/ и пресмыкающихся – одно обращение к женщине ([*ty*] *mała żmijo* → *маленькая змея*) и одно к мужчине (*wężu* → *змея*).

Как видно, группа обращений к женщинам кажется более разнообразной.

Другой закономерностью, наблюдаемой в собранном материале, является употребление в структуре обращений десемантизованного местоимения *mój/мой* в структуре как польских, так и русских обращений, например: *ptaszku mój*, *птичка моя, козочка моя, ласточка моя, мой зайчонок, зайчик мой*. Следует подчеркнуть, что в вышеприведенных адресатных формах местоимение употребляется в значении 'дорогой', 'любимый', 'единственный'. Для характеристики иллокутивной силы такой, довольно продуктивной в обоих сопоставляемых языках модели, Т.Ю. Янко использует определение «вокатив умиления» (Янко 2010: 465).

В заключение настоящей статьи хотелось бы привести слова А. Харциарека: «[...] в процессе перевода экспрессивных наименований в функции обращения коммуникативная равноценность оригинала и перевода достигается при учете следующих факторов:

/ их семантико-прагматических характеристик;

/ ситуации и контекста их употребления;

/ заложенной в них этнокультурной информации» (Charciarek 2009: 240).

Собранный языковой материал показывает, что цель достигается как при наличии словарных, так и контекстных эквивалентов, отвечающих приведенным условиям.

Проведенный анализ позволяет прийти к следующим выводам:

1. На месте польских обращений, выраженных названиями животных, в тексте перевода появляются, прежде всего, лексемы, которые можно считать словарными эквивалентами (например: *źmijo* → змея, *myszki* → мышки, *suko* → сука и т.д.). Бывает, что в целевом тексте применяются названия других животных, вызывающих похожие ассоциации (например: *króliczko* → зайushка, *sarenko* → козочка моя, *misiu* → зайчик мой, *baranie* → осел) или закрепленные соответствия, как *плюшастик* (польское *misiu*) или *старина* (польское *stary koniu*).
2. Причиной употребления в речевом общении обращений, выраженных названиями животных, могут являться определенные ассоциации, касающиеся внешнего вида адресата высказывания (например: *sarenko/козочка* – стройная фигура, *wiewiórko/бельчонок* – рыжие волосы) или характера, поведения (например: *źmijo/змея* – подлость, язвительность). Это касается, прежде всего, обращений к женщинам. К мужчинам чаще направляются общеизвестные адресатные формы (например: *kotku/котик*, *misiu/зайчик мой*).
3. Большое число обращений, которым присуща положительная окраска, можно считать посредственным свидетельством симпатии человека к животным. Такие наименования представляют собой имплицитный способ выражения мелиоративной оценки.

FORMS OF ADDRESS EXPRESSED BY ANIMAL NAMES IN THE POLISH LANGUAGE IN COMPARISON WITH THE RUSSIAN TRANSLATION

SUMMARY This article is devoted to the analysis of the addressative forms expressed by the names of animals. The factual material was selected from the texts of modern Polish prose and its translations into Russian (thirteen novels in total) – such a research corpus covers statements close to spoken language, since the selected dialogical remarks are fragments of conversations of characters of different sex and age in typical everyday situations presented by the plot. The main method used is comparative analysis. The reason for the use in speech of addressative forms expressed by the names of animals may be certain associations concerning the appearance of the addressee or their character, behaviour. The analysis shows that the addressative forms expressed by the names of animals and their derivatives are characterized by a strong emotional meaning. Depending on the context of use, they can express both a positive and a negative attitude towards the addressee of speech.

ЛИТЕРАТУРА

- / Балакай А., 2018, Прагматический компонент как идентификатор этикетности русских обращений. *Przegląd Wschodnioeuropejski*, IX/1, с. 201–208.
- / Голикова В.В., 2007, Функции обращения в семейном дискурсе. *Теория языка и межкультурная коммуникация: медеузовский сборник научных трудов*, Курск, с. 38–45.

- / Гольдин В.Е., 2009, *Обращение: теоретические проблемы*, Москва.
- / Евгеньева А.П., 1999, *Словарь русского языка*, Москва. Режим доступа: <https://udarenieru.ru> [цит. 2023-07-10].
- / Ефремова Т.Ф., 2000, *Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный*, Москва. Режим доступа: <https://udarenieru.ru> [цит. 2023-07-10].
- / Кузнецов С.А., 1998, *Большой толковый словарь русского языка*, Санкт-Петербург. Режим доступа: <http://gramota.ru> [цит. 2023-07-10].
- / Кульпина В.Г., Татаринов В.А., 2014, О реконцептуализации проблем перевода и переводной лексикографии в трудах польских языковедов. *Вестник Московского университета, Серия 22, Теория перевода*, № 2, с. 171–192.
- / Полонский А.В., 1999, *Категориальная и функциональная сущность адресатности*, Москва.
- / Розенталь Д.Э., Голуб И.Б., Теленкова М.А., 2002, *Современный русский язык*, Москва.
- / Формановская Н.И., 2000, Обращение с точки зрения коммуникативно-прагматического подхода. *Речевое общение (Теоретические и прикладные аспекты речевого общения)*, 3, с. 83–88.
- / Эпштейн О.В., 2009, Языковое оформление речевого акта угрозы (на материале английского политического дискурса). *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, № 1 (3), с. 216–220.
- / Янко Т.Е., 2010, Обращения в структуре дискурса. *Логический анализ языка. Моно-, диа-, полилог в разных культурах*, Москва, с. 456–468.
- / Bańko M., 2000, *Inny słownik języka polskiego*, Warszawa.
- / Bańko M., Zygmunt A., 2011, *Czule słówka. Słownik afektonimów*, Warszawa.
- / Charciarek A., 2003, К вопросу о функциях некоторых неофициальных польских, русских и чешских обращений. *Lingua et communicatio in sphaera marcatuariae. Bohemica Britannica Germanica Rossica Ostraviensia*, Ostrava, с. 75–80.
- / Charciarek A., 2009, Перевод экспрессивных наименований в функции обращения (на материале польского, русского и чешского языков). *La traduction: philosophie, linguistique et didactique*, Lille, с. 237–242.
- / Czapiga A., 2008, *Antroponimiczne metafory odzwiercące w języku polskim, rosyjskim i angielskim*, Rzeszów.
- / Czapiga A., 2015, Dobrze, panie profesorze – formy adresatywne jako część makroaktu мовы апробаты (на материале языка польского, росыјського і англійського). *Z badań nad językami europejskimi w aspekcie synchronicznym i diachronicznym. Księga jubileuszowa poświęcona Profesor Zofii Czapidze*, red. D. Chudyk, E. Dźwierznińska, Szczecin, с. 108–118.
- / Dąbrowska A., 1983, Formy zwracania się do innych в некоторых языках европейских. *Acta Universitatis Wratislaviensis. Studia Linguistica*, 645, VIII, с. 3–19.
- / Jasik A., 2005, Wyzwiska, obelgi, pogrożki в гварзе uczniowskiej (проба типологии gatunkowej). *Język a Kultura*, XVII, с. 259–271.
- / Krauz M., 2016, Komunikacja в rodzinie на podstawie serialu Rodzinka.pl (analiza zwrotów adresatywnych). *Język nasz ojczysty в sferze życia rodzinnego*, red. B. Taras, W. Kochmańska, Rzeszów, с. 93–108.
- / Kucharzyk R., 2015, О гваровых апелативах одантропонимичных (на przykładzie leksemów związanych з imieniem Michał). *Język a Kultura*, XXV, с. 89–102.
- / Miodek J., 1980, Jeszcze о sposobach zwracania się do drugich. *Język Polski*, LX, 2–3, с. 177–179.
- / Pisarkowa K., 1979, Jak się tytułujemy і zwracamy do drugich? *Język Polski*, LIX, 1, с. 5–17.

- / Rudyk A., 2021, *Zwroty adresatywne w języku polskim i rosyjskim*, Rzeszów.
- / Sikora K., 1994, Gwarowe formuły adresatywne jako narzędzie intensyfikacji więzi społecznej łączącej rozmówców (na przykładzie gwar okolic Krakowa). *Język a Kultura*, X, s. 195–204.
- / Tomiczek E., 1983, *System adresatywny współczesnego języka polskiego i niemieckiego. Socjolingwistyczne studium konfrontatywne*, Wrocław.
- / Zimnowoda J., 2003, Opozycja homo – animal w ekspresywnych zwrotach językowych. *Język a Kultura*, XV, s. 103–115.
- / Zimnowoda J., 2005, Wyzwisko – specyficzny rodzaj form adresatywnych (o uniwersalności negatywnych zdarzeń komunikacyjnych). *Język a Kultura*, XVII, s. 273–282.
- / Żmigrodzki P., *Wielki słownik języka polskiego*. Режим доступа: <http://wsjp.pl> [цит. 2023-07-10].

Источники

- / bonda K., 2015, *Okularnik*, Warszawa. / Бонда К., 2018, *Очкарик*, Москва. (О)
- / Bonda K., 2014, *Pochłaniacz*, Warszawa. / Бонда К., 2016, *Девушка полночи*, Москва. (По)
- / Gretkowska M., 2007, *Kobieta i mężczyźni*, Warszawa. / Гретковская М., 2008, *Женщина и мужчины*, Харьков. (КИМ)
- / Gretkowska M., 2001, *Polka*, Warszawa. / Гретковская М., 2004, *Полька*, Москва. (Р)
- / Grochola K., 2004, *Ja wam pokażę!*, Warszawa. / Грохоля К., 2005, *Я вам покажу!*, Москва. (JWP)
- / Grochola K., 2005, *Osobowość ćmy*, Warszawa. / Грохоля К., 2008, *Бабочка на ладони*, Москва. (ОЃ)
- / Grochola K., 2001, *Podanie o miłość*, Warszawa. / Грохоля К., 2004, *Заявление на любовь*, Москва. (ПОМ)
- / Grochola K., 2003, *Uposażenie do szczęścia*, Warszawa. / Грохоля К., 2005, *Гарантия на счастье*, Москва. (UDS)
- / Kołczewska K., 2013, *Kto jak nie ja?*, Warszawa. / Колчевска К., 2013, *Кто, если не я?*, Харьков. (КJNJ)
- / Nurowska M., 1997, *Tango dla trojga*, Wrocław. / Нуровская М., 2012, *Танго втроем*, Москва. (TDT)
- / Nurowska M., 2009, *Sprawa Niny S.* Warszawa. / Нуровская М., 2013, *Дело Нины С.*, Москва. (SNS)
- / Stasiuk A., 1996, *Biały kruk*, Warszawa. / Стасюк А., 2003, *Белый ворон*, Москва. (БК)
- / Wiśniewski J. L., 2004, *Los powtórzoney*, Warszawa. / Вишневский Я. Л., 2008, *Повторение судьбы*, Москва. (LP)